

Тартуский университет
Философский факультет
Институт германской, романской и славянской филологии
Отделение славянской филологии
Кафедра русской литературы

ВЯЗЕМСКИЙ В РЕВЕЛЕ: БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСТВО

Бакалаврская работа
студентки отделения
славянской филологии
Катрин Тикс

Научный руководитель –
лектор Т.Н. Степанищева

Тарту 2013

Содержание

1. Введение.....	3
2. Пребывание Вяземского в Ревеле в 1825.....	12
1826.....	15
1830.....	23
1843.....	28
1844.....	32
3. Стихи о Ревеле. Стихи, написанные в Ревеле.....	35
Заключение.....	44
Список использованной литературы.....	46
Resümee.....	48
Litsents.....	49

Введение

Настоящая работа является продолжением ранее начатого исследования «Вяземский в Ревеле: биография и творчество». Главной темой работы является изучение биографии и творчества Вяземского в период его пребывания в Эстляндии. Если ранее мы обращались к начальному этапу знакомства поэта с этим краем, которое произошло в 1825-ом и продолжилось в 1826-ом году, то в настоящей работе рассмотрим пребывание Вяземского в Ревеле в 1830, 1843 и 1844 годах.

Сперва обозначим общие проблемы и направление исследования. Известно, что историко-литературные работы, в которых была бы рассмотрена интересующая нас тема, отсутствуют. Эта одна из проблем. Вторая проблема заключается в том, что на данный момент не существует полной и точной биографии Вяземского, нет летописи жизни и творчества поэта. Нет сомнений, что и исследовательские работы, и полная биография существенно помогли бы в подробном изучении рассматриваемой нами темы.

Значимость вопроса о соотношении литературного творчества и биографии автора не нуждается в доказательствах. Применительно к Вяземскому он особенно актуален, потому что тесная связь литературы и жизни, поэзии и биографии была одной из любимых его идей. Так, например, Вяземский писал в 1821 году, что «поэту должно искать иногда вдохновения в газетах» [Вяземский 1958:31]. Поэтому изучение его

собственной биографии как одного из важнейших источников творчества представляет собой первую задачу для исследователя.

Эстляндские эпизоды занимают небольшое место в длинной биографии Вяземского. В истории Эстонии он не оставил заметного следа, так что с этой точки зрения он не интересовал историков. Однако место Эстляндии и эстляндских впечатлений в его биографии нуждается в рассмотрении. Особенно интересно, чем в его глазах Эстляндия отличалась от других российских территорий (хотя Эстляндия – часть империи, но все равно очевидно, что ее воспринимали тогда как своего рода заграницу).

Понятно, что наша работа не может представить решения всех поставленных вопросов. Мы обратимся лишь к одному из аспектов темы и попытаемся описать и откомментировать пребывание Вяземского в Ревеле. Для достижения этой цели нам предстоит решить ряд исследовательских задач. Композиция настоящей работы подчинена их решению.

Работа делится на три главы. В первой главе мы обратимся к нескольким исследованиям, а именно к исследованиям С.Г. Исакова, Л. Я. Гинзбург, В. С. Нечаевой, М. И. Гиллельсона и В. Бондаренко, на которые мы опирались в нашей предыдущей работе при описании отношений Вяземского и Эстляндии. Особенно нас будут при этом интересовать 1830, 1843 и 1844 годы. Также в этой главе будут кратко охарактеризованы биографические исследования о Вяземском в целом. Это позволит лучше понять, как другие исследователи строили биографию поэта, и сформулировать свой подход к теме. В частности, мы опишем, как эти исследователи представляют жизнь Вяземского, какие выделяют в ней этапы, какие события считают наиболее важными.

Во второй главе работы мы обратимся к описанию пребывания Вяземского в Ревеле в 1830, 1843 и 1844 годах. Эта часть будет представлена в виде комментированной «летописи». Опираясь на доступные нам сейчас источники, мы будем сочетать фактографию с интерпретацией, истолкованием фактов. Так как все наши источники являются текстами, балансирующими между фактом и вымыслом (записные книжки и письма

Вяземского зачастую служили своего рода черновиками для последующих сочинений), то нам будет необходимо каждый раз учитывать эти особенности. Вяземский, как всякий пишущий, в своих описаниях давал собственное видение реальности, формировал корпус значимых фактов и явлений. На самом деле писатель видел гораздо больше, но писал только о некоторых фактах и людях. Он отбирал материал – и мы должны понять, как он это делал. Или, по крайней мере, попытаться понять.

При написании настоящей работы число источников для составления летописи было все еще ограничено доступными изданиями, поэтому «летопись» носит характер предварительный.

В третьей, последней главе работы мы рассмотрим и проанализируем более подробно стихотворения Вяземского, которые уже были затронуты нами в прошлой работе, а именно стихи с «морской» тематикой, а также рассмотрим несколько стихотворений, написанных «на случай». Эти стихотворения были написаны в Ревеле и в какой-то степени сюжетно связаны с Ревелем. В заключении мы подведем итоги проделанной работы и наметим ее дальнейшие перспективы.

Мы рассмотрим доступные нам исследования, в которых так или иначе затронута (или могла быть затронута) история эстляндских поездок Вяземского. Их авторы, не останавливались специально на проблеме восприятия Вяземским Эстляндии, вероятно, потому что для самого поэта такой «проблемы» не существовало. Тому есть вполне объяснимые причины. Вяземский предпринял свою поездку в Ревель с лечебными целями, так он ее и описывает. Поэтому вполне закономерно, что у исследователей больший интерес вызывало пребывание поэта в Польше в 1819-1821 годах¹, чем поездки его в Остзейский край.

¹ Вяземский отправился в Варшаву по службе. Он был определен в канцелярию Н. Новосильцева, который поручил Вяземскому иностранную переписку, переводы и редактуру бумаг

Отдыхая на водах в Ревеле, Вяземский общался в основном с русской и немецкой интеллигенцией. С коренным населением он сталкивался мало. Но нельзя сказать, что Вяземского не интересовала здешняя жизнь. Его занимали особенности Эстляндии, ее отличия от России, обусловленные сложной политической историей края, чередой завоеваний Эстляндии. Насколько нам известно, современную политическую ситуацию в Эстляндии Вяземский не затрагивал в своих размышлениях. Для него было более важно то, что происходило в России в те годы, когда он впервые побывал в Ревеле, а именно в 1825-1826-ом годах. В России сменяются правители, в период междуцарствия происходит попытка вооруженного переворота, за которой последовал суд над его организаторами. На этих событиях, конечно, сосредоточены размышления Вяземского, именно эти темы нашли выражение в его стихотворениях означенного периода. Видимо, таким смещением интересов Вяземского в сторону России от Остзейских губерний и можно объяснить, почему исследователи не видели нужды в изучении проблемы «Вяземский и Эстляндия».

Находясь летом 1826 года в Ревеле, Вяземский написал стихотворение «Море», в котором отразились, по мнению исследователей, его переживания, вызванные казнью пяти декабристов. Об этом упоминает Л. Я. Гинзбург во вступительных статьях к изданиям стихотворений Вяземского [Вяземский 1958; Вяземский 1986]. Л. Я. Гинзбург была первым исследователем, системно подошедшим к изучению Вяземского как литератора, и первым исследователем его записных книжек. Задачи ее исследования были самыми широкими, поэтому пребывание Вяземского в Ревеле она затронула лишь потому, что во время казни пяти декабристов Вяземский находился именно там.

В 1820-е годы, замечает Гинзбург, Вяземский выступает как деятель романтического направления. Для него романтизм декабристской поры –

государственного значения. Но карьера Вяземского не удалась. В 1821 году, обвиненный в «польских симпатиях» и в «несогласии с видами правительства», он был отстранен от службы и удален из Варшавы.

это литературное выражение вольнолюбия, поэзия народов, борющихся за независимость, и личностей, протестующих против угнетания [Вяземский 1958:19].

Влияние трагических событий 1826-го на Вяземского описывает также В. С. Нечаева в сопроводительной статье к «Записным книжкам» [Комментарии Нечаевой]. Она пишет, что судебный процесс над декабристами тяжело повлиял на душевное состояние Вяземского, и его переживания отразились не только в записной книжке, но и в стихотворениях. Для Нечаевой декабристы в биографии Вяземского были важнее, чем Эстляндия. Поскольку Нечаева пишет свою статью к записным книжкам, то и сосредотачивается она на том, как главные события жизни поэта отражаются в них.

М. И. Гиллельсон в своем исследовании «П. А. Вяземский: жизнь и творчество» (1969) также останавливается на том, как Вяземский воспринимал события декабря 1825 года и как эти события и их последствия отражались в его творчестве. Гиллельсон приводит несколько отрывков из писателя писем к жене и к А.И. Тургеневу, где он выражал свое недовольство правительством. Этому эпизоду Гиллельсон посвящает лишь несколько абзацев в своей монографии. В основном же он сосредотачивается на жизнеописании поэта и на его отношениях с писателями пушкинского круга.

Книга В. Бондаренко, вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей», относится к научно-популярному жанру, поэтому в ней иначе расставлены акценты. Автор книги, как и другие исследователи, останавливается на интересующей проблеме лишь мимоходом. Описывая пребывание Вяземского в Ревеле, Бондаренко отмечает рекреационный характер его поездки, но так же, как и предшественники, сосредотачивается на том, как в стихотворениях того времени отразились размышления о восстании декабристов и казни пяти его участников. Он описывает пребывание Вяземского в Ревеле более подробно, но все-таки в общих чертах. Использовать его книгу как источник сведений о

пребывании Вяземского в Эстляндии (и вообще биографических сведений) следует с осторожностью, так как автор, хотя и опирался на факты, придал биографии Вяземского романизированную форму, добавил слишком много субъективных суждений.

С. Г. Исаков во вступительной статье к антологии «Эстония в произведениях русских писателей XVIII – начала XX века» останавливается на теме отдыха Вяземского и других писателей в Ревеле лишь в нескольких абзацах. Исследователь упоминает о возникновении литературных кружков в Ревеле, особенно популярным среди писателей, по его заключению, был салон С. Н. Карамзиной. О том, бывал ли Вяземский в этом салоне или нет, Исаков не упоминает, поскольку наш герой не был главным объектом его исследования. Главной целью было описание культурных контактов между восточными славянами и эстонцами на протяжении XVIII – начала XX веков.

Подведем итоги нашего обзора. Несмотря на то, что теме «Вяземский и Эстляндия» не было посвящено отдельных исследовательских работ, упоминания об этих эпизодах из жизни поэта встречаются во многих исследованиях, хотя, как правило, весьма краткие. Мы видим, что названные выше авторы обращались к разным сторонам пребывания Вяземского в Ревеле (быт, творчество, политические размышления и т.п.). Это дает нам некоторую точку опоры для дальнейшего рассмотрения проблемы.

Далее рассмотрим, что пишут исследователи о жизни Вяземского в 1830, 1843 и 1844-ом годах.

Нужно сразу заранее отметить, что выше упомянутые исследователи не будут касаться Эстляндской темы в 1830, 1843 и 1844-ые годы. Доступные для нас исследования сосредотачиваются на литературной биографии. Пребывание Вяземского в Ревеле не становится отдельным

объектом исследования. Пожалуй, исключением здесь можно считать С. Г. Исакова, который единственный специально занимался эстляндской темой. Хотя исследователи не считали нужным описывать пребывание Вяземского в Эстляндии в эти годы, мы все-таки остановимся более подробно на их описаниях жизни поэта в 1830, 1843 и 1844-ом годах.

Во вступительных статьях к изданиям стихотворений Вяземского 1958 и 1986 гг. Л. Я. Гинзбург отмечала, что Вяземский в 1830 году был назначен чиновником особых поручений при министре финансов. В министерстве финансов Вяземский прослужил 12 лет, и в течение двадцати лет он считал свое пребывание в этом ведомстве «тяжелым недоразумением и с отвращением относился к службе» [Вяземский 1958:23]. Для Вяземского было неизбежным подчиниться требованиям «грубой, тупой и бездарной власти» [Вяземский 1958:23], но он все таки сохранял оппозиционные настроения. В 1830-х годах он выступал как критик и полемист от имени группы, сначала «Литературной газеты» Дельвига (1830—1831), потом «Современника» (1836). По словам Гинзбург, Вяземский не удовлетворялся традиционными сатирическими формами, он создает в 1820—1830-х годах новый тип «газетного стихотворения», стихотворного фельетона. Если в 1830-е годы Вяземский активно выступал против мещанской журналистики, возглавляемой Булгариным, Гречем, Сенковским, то с 1840-х годов его полемический пафос направлен против демократической культуры. В 1840-х годах начинаются враждебные выступления Вяземского против демократических сил русской литературы, против гоголевской школы и Белинского.

С 1810-х по 1830-е Вяземский проделывал литературную эволюцию, как он проделывал эволюцию «политическую» [Вяземский 1958:44]. Как поэт, как критик, теоретик и полемист Вяземский стоял в первых рядах на трех существенных этапах культурной жизни: в период борьбы карамзинистов против шишковистов, романтиков — против «классиков», «литературных аристократов» — против мещанской журналистики. Как

заклучает Гинзбург, уже с 1840-х годов все то, что составляло содержание литературной жизни Вяземского, оказывается исчерпанным.

В. С. Нечаева в сопроводительной статье к «Записным книжкам» упоминает о том, что в 1830 г. Вяземский был принят на службу в министерство финансов. Вяземский прослужил там 12 лет. В 1838--1839 гг. Вяземский побывал в Германии, Франции и Англии, он встречался с европейскими писателями и политическими деятелями, наблюдал быт английской аристократии, парижские салоны и уличную жизнь. Тяжелая нервная болезнь принуждала его к длительному лечению в санаториях и на курортах. Во время своего пребывания в Ревеле в июле - августе 1844 года Вяземский ведет подробные записи своего времяпрепровождения среди светского общества.

М. И. Гиллельсон пишет в своем исследовании «П. А. Вяземский: жизнь и творчество» (1969), что в 1830 году в Петербурге, Вяземский работал в «Литературной газете». Как считает Гиллельсон, в 1830-е годы литературно-критические воззрения Вяземского приходят в противоречие с его общественной позицией. В 1840-е годы он мало писал и печатал. Общественные группировки (славянофильские, западнические, революционно-демократические), в 1840-е годы, были чужими для Вяземского. Общественная изоляция ощущалась Вяземским с каждым годом все больше. Журнал «Москвитянин» оказался ему самым близким.

В. Бондаренко в своей книге также отмечает, что 1830 года Вяземский был назначен в Министерство финансов на должность чиновника. Как считает Бондаренко, в 1830-х годах репутация Вяземского-прозаика в литературе была значительная. В 1843 году Вяземский готовил «драматично-музыкально-художественный» сборник, в 1844 году — альманах «Старина и Новизна». Ни одно издание не состоялось.

С. Г. Исаков в антологии «Эстония в произведениях русских писателей XVIII – начала XX века» пишет, что Вяземский был хорошо знаком с Эстонией. Во время отдыха на водах в Ревеле князь завел широкий круг знакомств. По заключению Исакова, Вяземский изучал эстонский язык

и фольклор, был знаком с прошлым края. За время, проведенное в Эстляндии, поэт объездил все окрестные места, имения местных помещиков, побывал в Хаапсалу, Палдиски, Кейла-Йоа, Тискри, Виймси, Падизе. Вяземский переписывался с Б. Иксулем (последний прислал ему текст одной эстонской песни). В 1830 году Вяземский по заданию министра финансов интересовался состоянием промышленности на фабриках и заводах Таллинна и Нарвы, о чем поэт подробно пишет в своих записных книжках. Проездом в Польшу или за границу Вяземский многократно бывал и в Тарту. В 1833 году поэт гостил у Карамзиных и написал об этом ряд стихотворений (каких – надо перечислить!!). Жизнь и природа Эстонии отразилась не только в стихах, но и в его письмах, дневниках.

В заключение можно сказать, что ни один из исследователей, за исключением, конечно, С. Г. Исакова (который единственный специально занимался эстляндской темой), не останавливается на эстляндской теме, а именно на времени пребывания Вяземского в Ревеле, в Нарве и в Тарту в 1830, 1843 и 1844-ом годах. Это, очевидно, значит, что эстляндские эпизоды жизни Вяземского не представляли большого интереса для историков литературы.

Пребывание Вяземского в Ревеле в 1825, 1826, 1830, 1843 и 1844 годах

В настоящей главе мы обратимся к описанию пребывания Вяземского в Ревеле в 1825, 1826, 1830, 1843 и 1844 годах. Эта часть будет представлена в виде комментированной «летописи». Опираясь на доступные нам сейчас источники, а именно на «Записные книжки» Вяземского, его переписку с Пушкиным, с А.И. Тургеневым и с женой, княгиней Верой Федоровной Вяземской, мы будем сочетать фактографию с интерпретацией, истолкованием фактов. Так как все наши источники являются текстами, балансирующими между фактом и вымыслом (записные книжки и письма Вяземского зачастую служили своего рода черновиками для последующих сочинений), то нам будет необходимо каждый раз учитывать эти особенности.

Рассмотрим пребывание Вяземского в Ревеле в 1825 и 1826 годах.

1825

январь–март

Вяземский тяжело болеет. После перенесенной болезни Вяземский решает поехать в Ревель для морских купаний.

16 июня

Вяземский записывает стихотворение «Нарвский водопад» в записную книжку (водопад на реке Нарове, в полутора верстах от города Нарвы Петербургской губернии, Вяземский, вероятно, видел по дороге из Петербурга в Ревель).

6 июля

Вяземский приезжает в Ревель и останавливается в предместье Ревеля, в Екатеринентале.

Не позднее 26 июля

Вяземский посетил и осмотрел адмиральский корабль.

26 июля

26 июля 1825 г. Вяземский описывает свое посещение адмиральского корабля в письме к жене: „Что за великолепная машина — этот плывущий мир!“. „Последняя строка, очевидно, предназначалась для стихотворения о Байроне, которое Вяземский писал в Ревеле“ [Комментарии Нечаевой: 414].

4 августа

Под этой датой у Вяземского в записной книжке оставлены наброски:

Как стаи гордых лебедей
Плывут по зыбкому зеркалу...

из которых первый стих был использован в стихотворении «Море». Здесь же написана последняя строка для стихотворения о Байроне, которое писалось в Ревеле.

В тот же день Вяземский записывает в записную книжку стихотворение «Не для меня дышала утра сладость...».

Тогда же Вяземский написал и отослал письмо Пушкину. К письму был приложен текст стихотворения «Нарвский водопад» (над которым Вяземский работал предположительно с 16 июня по 4 августа):

Вот пожалуй, что вылилось у меня здесь! Только надобно кое-что исправить. Заметь и доставь мне замечания <...> Я доволен тут одним нравственным применением, но стихи что-то холодны! Я совсем отвык от стихов. Я говорю, как на иностранном языке: можно угадать мысли и чувства, но нет для слушателей увлечения красноречия. Не так ли? Признайся! Я в стихах Франклин на французском языке: сдается какое-то чужезычие <...>. Я полагал, что буду здесь много заниматься и много творить: выходит, что ничем и ничего. И мой Бай, или Бейрон бай-бай! За то сам байронствую, сколько могу. Ныряю и прядаю! Здесь есть природа, а особливо для нас, плоских москвичей. Есть будто море, будто солнце, суть будто скалы [Письмо Пушкину: 199–201].

7 августа

Вяземский вносит в записную книжку стихотворение «Ольге Сергеевне Пушкиной в день ее отъезда из Ревеля». «В Ревеле Вяземский встретил “семейство Сергея Львовича [Пушкина] без сыновей” и с большою симпатией отзывался в письмах к жене о О. С. Пушкиной: “Она очень мила и напоминает брата...”, “она премилая девочка. Она, Дорохова и я живем в большом ладу”. Пушкины уехали между 8 и 12 августа» [Комментарии Нечаевой: 414].

12 августа

«12 августа Вяземский послал в письме к жене текст стихотворения, посвященного О. С. Пушкиной» [Комментарии Нечаевой: 414].

«12 августа Вяземский писал жене: “Меня ломала слегка стихотворческая лихорадка, и я выдрожал или выпотел стихов 50 о Байроне с удовольствием”» [Комментарии Нечаевой: 414].

Семейство Пушкиных уезжает предположительно между 7 и 12 августа. Получается тогда, что Вяземский сочиняет стихотворение «Ольге Сергеевне Пушкиной в день ее отъезда из Ревеля» заранее.

14 августа

Пушкин дал советы для исправления стихотворения «Нарвский водопад» в письме от 14 августа 1825 года (Тут возникает вопрос, когда Вяземский получил это письмо. Написано оно было 14 августа, но сколько дней шло до Ревеля – неизвестно):

Благодарю очень за Водопад. Давай мутить его сей час же <...> Напиши же мне: в чем ты со мною согласишься. Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини; как похотливое кокетство италианки. Пиши мне, во Пскове это для меня будет благодаянье [Письмо Вяземскому: 209–211].

Отредактированное стихотворение Вяземский напечатал в «Северных цветах на 1826 год».

16 августа

Вяземский вносит в записную книжку текст стихотворения «К мнимой счастливице». Под этой датой в записной книжке заканчиваются записи, относящиеся к 1825 г.

18 августа

Вяземский выехал из Ревеля.

1826

22 мая

Смерть Н.М. Карамзина.

13 июня

Вяземский выехал из Петербурга и поехал в Ревель с семьей недавно скончавшегося Карамзина.

16 июня

Вяземский пишет А. И. Тургеневу по случаю смерти Н. М. Карамзина [Переписка: 29–30].

19 июня

Переезд на приморскую дачу.

Вяземский пишет жене:

Мы сегодня переезжаем на другую дачу, на берегу возвышенном моря, в той стороне, где я жил прошлого года, только еще далее от города. Но место гораздо живописнее, суше, здоровее. Здешнее Löwenruh темница, и даже сыро, как темница. Я это предсказывал барышням еще в Петерб[урге], но они думали, что я хлопочу о своих выгодах для ближайшего соседства с Катериненталь и многолюдством и отвергли мои пророчества. Здесь и купания на море нет ближе, как около трех верст. <...> Моя комната висит над морем и господствует над картинною далью [Письмо к жене: 28]

Ср. также в письме к А. И. Тургеневу:

Сегодня после обеда переезжаем на приморскую дачу: воздух сухой, вид прелестный и гораздо больше прогулок [Переписка: 30–31].

22 июня

Вяземский пишет А. И. Тургеневу:

Край самый живописный [Переписка: 32].

Вяземский пишет жене:

Обнимаю и благословляю вас, мои милые, от души. Дай Бог увидеться нам в радости. Mina armastan sind veга, что значит по-чухонски: я вас очень люблю. Мне еще никому не удавалось здесь сказать: sinna ollet illus, что значит: vous êtes jolie; следовательно, и упоминаемых тобою M-elle D., ни M-me <прим.: в оригинале здесь неразборчиво написанное слово (по-видимому, Chose или Chou).> не видал. Не правда ли, что язык этот очень мягок и сладкозвучен? Хотел

бы я вам сказать: tulle! tulle! venez! venez! К будущей почте выучусь, как поцеловать тебя по-чухонски, а пока целую по-русски [Письмо к жене: 32].

Июнь

Вяземский возвращается к записной книжке. Записи 1826 г. начинаются с записей об Иваново дне:

Накануне Иванова дня в ночи 23-е на 24-е зажигают огни, бочки с смолой и с дегтем на высотах около Ревеля. В нынешнем году кое-где пылали они, но в старину, говорят, было гораздо более огней. Везде падают народные обычаи и поверья. Народы как-будто стыдятся держаться привычек детства, достигнув зрелости и вступив в возраст образованности [Вяземский: 121].

3 июля

Вяземский в письме к жене подробно описывает поездку в Вимс:

Ты спрашиваешь, как провели мы Петров день? Да так же, как и прочие дни, за исключением, что после обеда ездили верст за шесть в Вимс, дачу Буксгевдена, о которой писал тебе прошлого года. жара несносная и утром и вечером. Засуха страшная! Дождь никак не может решиться вымочить нас порядочно. Капнет несколько раз, да и полно. Все выжжено, все высушено, нет ни травы, ни ягод, ни плодов; недостает одной саранчи, и мы имели бы понятие о твоём житье в Одессе. За недостатком саранчи есть нашествие мух на нос, на губы. ... В садах завелись и черви, которые поели листья; у нас было их не так много, а в других местах деревья голы, как в ноябре или в апреле. Это тем более жаль, что прозябение здесь прекрасное. Множество каштановых деревьев, как и других; и все это рослое, широкое. Странное дело, вода в море при этих непрерывных и сильных жарах была очень холодная; несколько дней доходило до 4-х градусов тепла, а бывает часто и 20-ть. На днях будет у нас своя купальня, но все около версты от дома, потому что берега здесь очень каменисты. Мне кажется, что быть ревельским обывателем, а не приморским жителем есть добровольное заточение, мучение Танталово [Письмо к жене: 41].

6 июля

Вяземский писал жене:

Вчера была здесь первая гроза и первый дождь порядочный. По крайней мере опрыскал лице земли и поосвежил зелень. Пора! ... И здесь горели леса и луга [Письмо к жене: 44].

10 июля

Вяземский сравнивает в письме к жене природу Эстляндии и России.

Сегодня еду, en partie de plaisir, в Вимс с губернаторшею и еще не знаю с кем. Погода опять великолепная. Дня два было дождя и ветра. Воздух опять чист и зелень позеленела. Какая разница здесь в деревьях с нашим краем! Кроме каштановых деревьев, которых здесь везде много и прекрасных, но и наши домашние деревья здесь смотрят молодцами. Ольха здесь прекрасное дерево, и самые полевые цветы более и свежее, чем у нас [Письмо к жене: 48].

12- 13 июля

Вяземский пишет жене о смерти Карамзина и возможных последствиях восстания декабристов 14 декабря.

Вечером был я у своей родственницы Архаровой и сильно встревожен был там грозными вестями о том, что готовится в Петербурге в рассуждении несчастных. Возвратясь домой, нашел я также грустное письмо от Турген[ева] к Карамзиным, который снова сильно горюет о братьях. Хорош прелюд для ваших московских торжеств и празднеств! Совершенно во вкусе древних, которые также начинали свои празднества жертвами и изливанием крови ближнего! Не хочется и не смеешь верить всем рассказам, а между тем ум все-таки не разуверивает сердца [Письмо к жене: 50].

Значит, можно сделать вывод, что 12 июля Вяземский был на вечере у Архаровой.

23 июля

Вяземский ездил в Вимс, о чем на следующий день писал жене:

Вчера ездил я в Вимс...сильный жар и знойный вихрь, настоящий африканский сирокос, повредил приятности гуляния... Мы все продолжаем тонуть в атмосфере дыма и тумана. Кругом леса горят, а дождя все нет [Письмо к жене :58].

27 июля

Поездка в Вихтерпаль.

Вяземский пишет в записной книжке о поездке в Вихтерпаль:

Wichterpall [Вихтерпаль]. Я поехал туда 27. Дорога каменная, там, где кончается городская земля, или правильнее городской песок. В Вихтерпале есть шведские селения: шведы, говорят, живут чище туземцев и лучше строят свои избы, — окна более. Шведки отличаются от чухны уборкою волос, которые прибраны и заплетены на маковке полосатыми лентами. В Вихтерпале каждый крестьянин работает два дни в неделю. Кноринг очень доволен новым распоряжением, освободившим крестьян. Деревню свою ценит он в сто тыс. руб. серебром, а дает она ему дохода тыс. 20. В Padis Kloster [Падис Клостер] крестьяне также в хорошем состоянии. — Нравы вообще непорочные. Девочку проступившуюся наряжают в женский головной убор: строгость в таких случаях опасна, но между тем детоубийство редко, потому что и самая вина очень редка [Вяземский: 134].

При таком положительном описании местных жителей можно предположить, что Вяземский уважал здешних людей и восхищался их нравами.

«Описывая в письме к жене поездку в *Вихтерпаль*, Вяземский вспоминал, что в 1825 г. он был там “с несчастным Пушкиным” — декабристом, и сопоставляя его, эскадронного начальника и любимца царя, с собою, писал: “Если за кого бояться было, то скорее за меня уже, заявленного либерала и страшилища правительства, чем за него”. “*Новое распоряжение, освободившее крестьян*”, о котором упоминает Вяземский, вошло в действие с 1817 г. По просьбе дворян, которым это было выгодно, крестьянам была дана личная свобода без земли, оставшейся полностью в собственности помещиков» [Комментарии Нечаевой: 418].

28 июля

Вяземский возвратился в Ревель из Вихтерпаля.

31 июля

Вяземский пишет жене:

Я возвратился ранее из Винтер-Паля, чем полагал. Мы должны были съездить на остров, куда собираются все соседи для сельского праздника, но поездка была отложена до пятницы; я подумал, что это заведет меня далеко, и возвратился в Ревель на другой день [Письмо к жене: 63].

3 августа

Вяземский описал ливень исключительной силы, настигший его и его спутниц в поездке 2 августа:

Возвращаясь два раза в неделю из залы уже за полночь, еду близ моря около двух верст и люблюсь всегда шумом волн, которые омывают колеса моих дрожек. Теперь ночи уже довольно темные, и эта прогулка имеет что-то таинственного и поэтического. На море всегда светит маяк; он и говор волн один оживляют пустыню молчания и мрака, а я, как Равенсвуд из “La fiancée de Lammermoor”, тону в приморских песках [Письмо к жене: страница неизвестна].

4 августа

В этот день Вяземский сделал запись, уточняющую обстоятельства произошедшей ранее морской бури:

То, что я принял вчера и описал в письме к жене за облако особенного вида и свойства, была настоящая тромба (по словам морских офицеров), тифон. Она поднялась на море близ гавани, сорвала *лайбу* (чухонское судно с дровами), крепко укрепленную, и повалила ее, вскинула и раскидала купальные будки у Вита, мужские, а женские вблизи остались невредимы, сорвала дорогою шляпу с едущего кучера и закинула ее в Катеринентальский сад и там, переломав и вырвав с корней несколько старых деревьев, укротилась. Сказывают также, что мимоходом досталось и корове, которую подняло с земли и далеко швырнуло. На море тромбы разбиваются ядрами, единственным спасением, а не то не может судно устоять против нее. Мне сказывали моряки, что однажды у них пустили с корабля до 40 ядер и совершенно разбили. — Счастливо, что вчера никто не купался в этот час, около двух часов [Вяземский: 134–135].

«В описании *тифона*, сделанном в письме к жене от 3 августа, Вяземский сравнил страшные явления природы с действиями человека: “Никогда ужас природы не может равняться с ужасом рукотворенным”,

так как последние лишены поэзии: “...что найдешь возвышенного в палаче, хладнокровно, за деньги, по приказу, умерщвляющем своего ближнего”» [Комментарии Нечаевой: 418].

7 августа

Вяземский ездил с Карамзиными в Тишер и написал об этом в записной книжке. Тишер – это поселок, который находится в 12 верстах от Ревеля, расположенный на берегу Финского залива. О Тишере есть сведения с 1522 г. Название поселка происходит от шведского слова «fiskare» (рыбак). В средние века в Тишере жил Fischmeister, который должен был добывать для жителей рыбу. В 1975 году северную часть Тишера соединили с Ревелем.

Ездили мы с Карамзиными в Tischer [Тишер], по-эстляндски Tisker, любимое место мое в окрестностях Ревельских. Тишерская скала в руках богатого человека была бы местом замечательным, т. е. со стороны искусства, потому что теперь, обязанная одним рукам природы, она уже местоположение прекрасное. Начать бы с того, что устроить хорошую дорогу от города: пробить несколько дорожек по скале с верха до низа, построить несколько красивых домиков, чтобы населить жизнь пустыню. — Громады камней по скале образуют разные виды: здесь высовываются они карнизами, тут впадинами в роде niche [ниши], здесь поросли частым лесом — живописною рябиною, орешником. — Русский Вальтер Скотт мог бы избрать окрестности Ревеля сценою своих рассказов [Вяземский: 135–136].

Вяземский пишет жене о своих впечатлениях о Тишерт:

Едем сегодня с Карамзиными в Тишерт, любимое место мое в окрестностях ревельских, о коем писал я тебе прошлого лета. Погода опять хороша и ночи очаровательные. Третьего дня после собрания ездил я во втором часу к маяку, но небесный маяк, луна, горел светлее и поэтичнее [Письмо к жене: 69-70]

13 августа

Вяземский пишет жене, что ездил в Тишерт:

На днях нашли мы с Карамзиными у Бумажного озера эхо невероятное, которое повторяет целые фразы с точностью чудесною. Только что не отвечает: “je me porte fort bien” на вопрос: “comment vous portez-vous”? [Письмо к жене: 76].

23 августа, 6 часов утра

Вяземский на яхте отплыл из Ревеля в Свеаборг.

4 сентября

Отъезд Вяземского из Ревеля.

Он писал жене: «Прежде полагал я приехать ранее, но мысль возвратиться в торжествующую Москву (в связи с коронацией Николая I), когда кровь несчастных жертв еще дымится, когда тысячи глаз будут проливать кровавые слезы, эта мысль меня пугает и душит. Вероятно, отложу свой приезд» [Комментарии Нечаевой: 419].

Подведем итоги. Вяземский впервые посетил Ревель летом 1825 года. Он остановился в Екатеринентале. Его целью были отдых и морские лечебные купания. Во время своего первого пребывания Вяземский успел также написать несколько стихотворений, таких как «Нарвский водопад», «Не для меня дышала утра сладость...», «Ольге Сергеевне Пушкиной в день ее отъезда из Ревеля», «К мнимой счастливнице». Второй раз Вяземский побывал в Ревеле летом 1826 года. На этот раз он приехал в Ревель с семьей недавно скончавшегося Карамзина. Вяземский посетил некоторые окрестные места Ревеля, такие как Вихтерпаль, Тишер. Во время своей второй поездки Вяземский написал стихотворение «Море». У Вяземского остались от этого города только положительные воспоминания.

Далее рассмотрим пребывание Вяземского в Ревеле в 1830, 1843 и 1844-ом годах.

1830

15 июля

Вяземский приехал в Ревель вечером.

16 июля

Вяземский купался, ходил на концерт.

17 июля

Вяземский купался, был на балу у Будберга (эстляндский губернатор).

18 июля

Вяземский купался два раза.

19 июля

Вяземский оставляет в записной книжке комментарий:

Ревельские розы по-прежнему свежи и по-прежнему некоторые из них пахнут не розою.

[Вяземский:183]

20 июля

Вяземский купался в седьмом часу утра и в два часа дня. Ездил в Тишерт с Ревельскою публикою и оставил комментарий под этим числом:

Мадемуазель Бенкендорф является королевой Эстонии, а мадемуазель Мореншильд королевским принцем. В самом деле в ней что-то пажеское, херувимское, но не херувима библейского, а Бомаршевого. Жена барона Палена,

генерал-губ[ернатора], урожденная Гельвециус. Она была совоспитанница, бедная, первой жены его, из фамилии Эссен. Ныне первая дама Эстляндского герцогства. Скромность, смирение первой половины жизни сохранились в ней и на блестящей степени. Довольно милостива, что-то птичье в лице [Вяземский:184-185].

21 июля

Вяземский купался в десятом часу утра и в десятом вечера в дождь, который помешал ему ехать в Виттов салон.

Он пишет:

Море меня подбивает валами. Так и валит. Оно одно здесь кокетствует со мною. Хромота моя не дает сблизиться с царицею и с принцем. Один вальс сблизает. Обедал у Будберга: там Пален, Паткуль, комендант, Данилевский небритый и сердитый на ревельский песок, М-ме Бланкенагель из Риги. Вечером бал в салоне Витта. Немецкая бережливость: допивали и доедали запасы, оставшиеся от вчерашнего пикника в Тишерте [Вяземский:185]

22 июля

Вяземский пишет:

Государь в проезд свой через Дерпт был всем очень доволен, но увидел одного студента без галстука и заметил о том Палену. Пален сделал выговор студенту, наказывая ему, чтобы он впредь так не ходил. Студент с удивлением отвечал, что у него галстука и в заводе нет. Его посадили в карцер [Вяземский: 186]

24 июля

Вяземский купался два раза, в 8-м часу утра и в 10-м вечера при луне. Обедал у Клюпфелей. После обеда пели Кольбарсы.

Была молодая румяная баронесса Сакен; очень умильно и живо на меня поглядывала. Что же вышло? Она сходила с ума именно от любви к мужчинам и осталась одна любовь. Третьего дня был у Россильона, говорили о здешней мануфактурности, которой почти вовсе нет. Стекланный завод, о коем писал мне

Дружинин, уже не существует. Какой-то Унгерн заводит хорошую фабрику суконную; но она еще не в ходу. Есть где-то шляпная фабричка. Вообще, по словам Россильона, здесь нет фабричного движения, а одно рукоделие. По деревням ткнут полотна, крестьяне ткнут сукно себе на платье, или *bigue* {Грубая шерстяная ткань (фр.)}. Шварц, фабрикант близ Нарвы, имел поставку одного офицерского сукна и получил большие пособия в прежнее царствование. Он был как-то употреблен прежде *dans les fonds* {В верхах (фр.)} и оказал услуги. Начинают здесь заниматься овцеводством. Эстландия и в особенности Ревель должны, кажется, пользоваться торговою и земледельческою промышленностью. Но порты заперты и хлеб без цены [Вяземский: 186-187]

27 июня

Вяземский обедал у Будберга. После он был у Левенштерна (вице-губернатора).

Перед его дачею Христинский луг, так называемый потому, что был подарен царицею Христиною городу. Видел Магницкого, разговорчив и взглядывающий украдкою. Странная мысль сослать его в Ревель. Сказывают, Сперанский сказал: как можно послать Магн[ицкого] в Ревель? Туда посылают для здоровья, а он присутствием своим отравит воздух. [Вяземский: 187].

Вечером Вяземский был в салоне, где была царица. Еще он написал в письмо к Россильону о здешних фабриках.

26 июля

Вяземский купался два раза до обеда.

Вечер плясовый у Новосильцевых. *La Reiney etait* {Царица там была (фр.)}. [Вяземский: 187].

27 июля

Вяземский купался два раза перед обедом. Он был вечером в гостях у Тизенгаузен и потом у Будберг. Он также побывал в протестантской церкви.

В темной глубине ее живописно пестреют разноцветные шапки эстляндок. Приятно видеть эту чернь грамотную с молитвенниками в руках. Перед выходом две старухи подходили друг к другу, приветствовались рукопожатием и одна у другой поцеловала руку. Я говорю, если привелось быть русским подданным, зачем бы уж не родиться эстляндцем, лифляндцем, курляндцем? Все же у них есть какое-то минувшее, на котором опирается настоящее с правами своими. Мы по пословице французской между минувшим и будущим – – на землю. Сказывают, и ныне существует во всей древней силе своей вражда между курляндцами и лифляндцами [Вяземский: 187-188].

28 июля

Вяземский ходил осматривать сахарный завод и подробно описал сахарное производство и его экономику.

Содержание завода здесь не дешевле Петербурга ни по части дров, ни по части работы. Одна выгода, что дешевле нанимают завод. Гартман говорит, что довольствуется рублем барыша на пуд. По мнению его, свекловичный песок не выгоден. Можно составить из него лучший рафинат, но другие переработки уже не доставляют такого хорошего сахара, как из другого песка; так что фунт сахара, обходящийся поэтому в 80 гривен, по свекловичному обойдется в рубль. Из пуда песка выходит около 36 фунтов сахара. В свекловице много кислых частиц, которых совершенно отделить нельзя и которые портят нижние сахара [Вяземский:189]

Вяземский обедал у Будберга. Вечером был у Дивова.

Впечатления Вяземского этих дней:

Прибытие флота... ездили на корабль «Император Александр». Блестящий салон: девицы Краузе из Петербурга]. М-me Knoing [Г-жа Кноринг] из Дерпта, что

называется по-польски przystoyna kobieta {Красивая женщина (польск.)}. Пир в Вимсе [Вяземский: 190]

31 июля

Вяземский купался два раза, возвратился с моря в десятом часу вечера. Под этим числом Вяземский пишет:

В твои <холодные> прохладные объятия
Кидаюсь я в последний раз.
Облобызаемся, как братья,
О, море! в сей прощальный час [Вяземский: 190].

1 августа

Вяземский выехал из Ревеля во втором часу ночи.

4 августа

Вяземский приехал в Нарву часу в первом ночи. На другой день утром ездил с управляющим нарвской полицией осматривать фабрики суконную и уксусную, где гостям предлагали вина местного изготовления:

Между прочим, подчивали меня хорошим сотерном, рейнвейном и шампанским [Вяземский: 190].

Вяземский выехал из Нарвы в два часа днем и прибыл в Петербург в пять утра.

Нарва пользуется своими правами. Правители его избираются из купечества. Кнутом не секут, а есть розги в известную меру, которые считаются парами, так

что за смертоубийство дается не более 120 удара. В Нарве сад порядочный и сам садовник махровая роза или махровый розовый пион. Город очень падает, а прежде процветал торговлею [Вяземский: 190]

1843

6 июля

Вяземский выехал из Петербурга.

7 июля

Вяземский доехал до Мануйлова и обедал там.

8 июля

К полуночи Вяземский приехал в Ревель.

9 июля

Вяземский купался в теплой ванне. Вечером был на концерте трубача Маффейя.

Муж на инструменте своем иногда поет; жена голосом своим всегда трубит.

[Вяземский:240]

После концерта провел вечер в визитах: у Бибиковых, Блаз, Меерти, Герке.

10 июля

Вяземский купался в море. В записной книжке отмечено, что погода холодная (в воздухе и в воде 12 градусов тепла, дождь).

11 июля

Вяземский купался в море под дождем, гулял под дождем, смотрел в Екатеринентале на фейерверк под дождем.

12 июля

Вяземский был у обедни, присутствовал в церкви на панихиде, купался, делал визиты, вечером посетил концерт Меерти.

13 июля

Вяземский купался. Прогулка на сахарный завод, вечером был в Либерти, пил чай у гр. Клейнмихель.

14 июля

Вяземский купался, вечером был в салоне.

15 июля

Купался, вечер у гр. Клейнмихель, Меерти, Герке, Блаз.

16 июля

Купался.

17 июля

После купания, в полдень Вяземский сел на пароход в Гелсингфорс (Хельсинки), несмотря на непогоду. В половине шестого вечера прибыл в Гельсингфорс. Там присутствовал на концерте скрипача Гиза, слушал певицу из Стокгольма Женни Линд. Встретился с Козловыми, провел вечер у Мятлевой.

18 июля

Купался, обедал у Клинковстрема, вечером бал в салоне. После чая был у Полуектовой. Слушал музыку. Меерти, Негри. Встречался с Туманской.

19 июля

Купался. Обед в обществе Туманской, вечером пил с ней же чай в Ботаническом саду. Еремеевы. Карцева, вечер у Клинковстрема, Меерти, Негри.

Я как *entrepreneur* {Антрепренер (*фр.*)} разъезжаю с своими артистами *ambulants* {Бродячими (*фр.*)}. Гр[афиня] Пушкина. *Vacietetshus* -- гостиница и зала концертная и бальная [Вяземский: 241].

20 июля

Купался. Ездил к Демидовой с Пушкиной. Возвратился вечером в открытой таратайке с Шернвалем, при этом попал под проливной дождь. Был у Еремеевой, виделся с Туманской.

21 июля

Купанье. Обедал у Валлена. Вечером совершил морскую прогулку с Меерти вокруг островов. Вечером был на балу в салоне.

22 июля

Купался, поехал в Трескенде, посетил вечер в честь дня рождения Демидовой.

Чтобы не потерять купания, возвратился ночью с Мятлевою — j'ai fait vœu de pureté et de chasteté {Я дал обет чистоты и целомудрия (*фр.*)} [Вяземский: 241].

Вечером в Трескенде разыгрывали шарады.

23 июля

Купался, поехал в Трескенде, возвратился ночью.

24 июля

Купался, был на концерте Блаза и Меерти, провел вечер у Армфельта.

25 июля

Купался, совершил прогулку на пароходе вокруг островов.

Ударили об камень и прошибли пароход — во все время выкачивали воду. Шкипер и лоцман не знали порядочно, где и как ехать. Возвратились, было уже темно — тут сбивались с пути. Нам с графинею Пушкиною не надобно встречаться на море [Вяземский: 241].

Вечер с танцами у Мятлевой. Вяземский возвращается домой поздно, в два часа ночи.

26 июля

После раннего, в шесть часов, утреннего подъема Вяземский отправился на пароходе в Ревель, куда прибыл в 8 часов, во 2-м часу купался.

27 июля

В этот день Карамзины отбыли из Ревеля. Вяземский провожал их, проводы затянулись (видимо, путешественники не могли решиться с отправлением). Вяземского уговаривали поехать с ними, но он предпочел остаться. Вечером гулял в парке. См. сделанную под этим числом запись:

День суматошный, отправление Карамзиных, Клейнмихель на пароходе "Ижора" в Гельсингфорс — 7 пятниц в один вторник. То ехали, то нет. Обедали на пароходе у графини Клейнмихель. — Вечер, гуляние в Катеринентале. — Фейерверк, чай на пароходе. Отправились в полночь. Очень звали меня ехать с ними — остался наслаждаться одиночеством и независимостью. — Графине Паниной Московской дал записку о сообщении мне бумаг Ф[он] Визина и гр[афа] П. И. Панина [Вяземский: 241-242].

28 июля

Купался два раза, утром и вечером. Прогревшуюся до 14 градусов воду Вяземский счел слишком теплой. Обедал в семь. Гулял по городу и в Катеринентале. Пил чай у Самариной.

29 июля

Купался два раза.

Ходил посмотреть старые мебели. Ховен пришлет мне шкаф в 70 руб. У Витта шкаф даю 75. — За шкаф другой даю сто рублей, стоил с зеркалом 75. Тут же старый фарфор. У Гамильтон стулья в 100 руб [Вяземский: 242].

1844

12 июля

Вяземский приехал в Ревель перед полуднем. В записной книжке – список знакомых и друзей Вяземского, которые в это время также находятся в Ревеле:

Здесь Ховрины. Гр[афиня] Ростопчина. София Апраксина. Опочинины. Туманская. Ф. Толстой. Гр[аф] Борх. Перфильевы. Путятинны. Пашковы Гр[афиня] Панина. Закоржевская [Вяземский: 236].

13 июля

Был у графини Ростопчиной. Посетил концерт.

14 июля

Купался в море. Встречался с графом Толстым и графом Борхом.

15 июля

Был с визитом к графини Ростопчиной. Слушал органную музыку в церкви св. Олая, остаток вечера провел у графа Гейдена, слушал музыку.

16 июля

Вяземский слушал обедню в соборе. Купался. Обедал у Толстого, после обеда пошел к Тизенгаузен. Виделся с Кнорингом.

Пока расспрашивал у людей на дворе, тут ли они живут и дома ли, большая собака на меня бросилась, лапу устала на плечо в укусила правую руку до крови, но странно не прокусила ни рубашки, ни сертука — собака злая и прежде бросалась на людей. Тизенгаузен уверяет, что она вчера, то есть в то же утро купалась с ним в море. — В десять часов вечера прижигал мне руку доктор Геренбаум [Вяземский: 236].

18 июля

Прогулка по берегу моря, в записи Вяземский отметил, что ночь была теплая и лунная.

6 августа

Отъезд Вяземского из Ревеля.

7 августа

В дороге.

8 августа

Возвращение в Петербург.

Подведем итоги. Очередные поездки Вяземского в Ревель состоялись в 1830, 1843 и 1844-ом годах. Цель этих поездок по-прежнему заключалась в лечении и морских купаниях. Во время путешествия и пребывания в Эстляндии Вяземский подробно описывает эстляндскую природу, описывает море, в котором он купался. Он также посещал разные концерты и салоны, почти ежедневно бывал у своих многочисленных знакомых. Вяземский также посещал различные заводы, как в Ревеле, так и в Нарве. Можно сказать, что эти поездки были более насыщенными.

Стихи о Ревеле. Стихи, написанные в Ревеле

Во время своих поездок Вяземский не прекращал поэтической работы. В Эстляндии и в Ревеле он писал стихи, которые, по нашему мнению, также могут быть использованы для воссоздания истории эстляндских поездок Вяземского. Стихотворения Вяземского, связанные с Эстляндией, можно разделить на две группы: стихотворения с «морской» темой, такие как «Ночь в Ревеле», «Море» и «Нарвский водопад», и стихотворения «на случай», как правило, адресованные знакомым поэта (то есть послания),

такие как «О. С. Пушкиной», «Поручение в Ревель», «К Языкову» и «К графу В. А. Соллогубу».

Возможно, центральным из «морских» стихотворений Вяземского, связанных с Эстляндией, можно считать «Ночь в Ревеле», так как это единственное произведение, посвященное одному из городов Эстляндии. Вяземский прямо описывает в нем Ревель.

Стихотворение «Нарвский водопад», которое мы тоже относим к группе «морских» стихотворений (водопад в нем описан как бурная водная стихия, то есть близкая к стихии морской), все-таки не содержит ясного описания городских реалий. Поэтому «Нарвский водопад» будет использовано лишь для сравнительного анализа.

Стихотворение «Ночь в Ревеле» написано в 1844 г. и, вероятно, именно в Ревеле. Это подтверждают записи из записной книжки Вяземского, которые содержат сведения о его поездке в Ревель в июле 1844 года [Вяземский: 197].

У стихотворения есть посвящение: оно посвящено княгине Е. Н. Мещерской². Л. Я. Гинзбург в своем комментарии сообщает, что княгиня Мещерская была дочерью Н. М. Карамзина, вышла замуж за князя П. И. Мещерского; также комментатор отмечает, что Карамзины, Мещерские и Вяземские неоднократно вместе проводили лето в Ревеле [Вяземский 1958: 465].

Вяземский делит это стихотворение на четыре части, нумеруя их. Далее мы рассмотрим каждую часть отдельно.

В первой части Вяземский сосредотачивается в основном на море, сравнивая его с диким зверем – тигром. Вяземский сопоставляет как внешность зверя, так и его характер с морем:

И, как тигр, на старый Ревель
Волны скалишь и рычишь?

² Матерью Е.Н. Мещерской была Е.А. Карамзина, урожденная Колыванова, единокровная сестра П. А. Вяземского, хозяйка известнейшего в 1820–50 гг. петербургского салона. Салон Карамзиных посещали в разное время Пушкин, Жуковский, Вяземский, Тургенев, Лермонтов.

Разыгрался зверь косматый,
Страшно на дыбы прыгнул,
Хлещет гривою мохнатой,
Ноздри влажные раздул.

В начале первой части герой спрашивает у моря:

Что ты, в радости ль, во гневе ль,
Море шумное, бурлишь

Происходит сопоставление двух противоположных эмоций. В конце этой же части вновь происходит сопоставление двух противоположных эмоций:

Что за грозная картина,
Что за прелесть, что за страх!

На этот раз герой уверен в своих чувствах.

Вяземский рассматривает море как снаружи, так и «изнутри»: «Вздогнув в темных глубинах». Хотя понятно, что то, что происходило внутри, поэт в действительности не видел, а только представлял себе.

Вторую часть стихотворения Вяземский начинает со сравнения моря с шабашем ведьм. Из этого можно следовать, что для поэта море представляло собой нечто волшебное, нечто выше человеческого понимания.

Далее в этой же части Вяземский упоминает современника «Петровых дней». Из комментариев Л. Я. Гинзбург к стихотворению можно узнать, что речь идет о герцоге Карле-Евгении де Кроа (вариант написания фамилии — де Круа), который служил последовательно в датской, австрийской и русской армиях. В 1700 г. под Нарвой он был взят в плен шведами. В 1701 г. герцог де Кроа умер в Ревеле, оставив большие долги, и по шведским законам был за это лишен погребения (вплоть до оплаты долгов наследниками). Тело де Кроа долго сохранялось в известковом погребке в церкви св. Николая, под стеклянным колпаком, предохранявшим его от тления [Вяземский 1958: 466]. Вяземский сравнивает герцога де Кроа с фантастическим персонажем русских сказок и былин, с *Кашеем* (Кошеем) бессмертным, возможно из-за того, что оба «ждали могилы», то есть не умерли «как положено»:

Про того ли про Кашея,

Что, не принятый землей,
Ждет могилы, сиротея.
Не мертвец и не живой.
Дней Петровых современник,
Взяли в плен его враги,
И по смерти все он пленник
За грехи и за долги.
Ты поведай, скоро ль сбросит
Он курчавый свой парик
И земную цепь износит,
Успокоенный старик?

В конце второй части Вяземский вновь обращается к морю. Он описывает звуки, которые издает море, как особый, таинственный язык, который смертным непонятен:

Стон за стоном издаешь,
Но о чем и что ты вопишь,
Уж никак не разберешь.

<...>

В этих воплях и заклетьях
Есть таинственный язык;
Но, в земных своих понятиях,
Кто из смертных их проник?

В третьей части стихотворения Вяземский переводит взгляд с моря на сушу и обращается к прошлому этой земли. Море вступает в «разговор» с землей.

Вяземский упоминает тут «Бригитту» и «Олая». Под Ревелем существовал монастырь св. Бригитты (шведской святой), разрушенный еще в XVI в. К XIX в. от него остались лишь развалины. «Олай» — это церковь св. Олая, один из выдающихся архитектурных памятников Ревеля. Вплоть до XIX в. церковь св. Олая оставался самой высокой в мире. В XVI в. ее шпиль вознесся на головокружительную по тем временам высоту – 159 метров. Эта церковь, не имевшая себе равных по высоте во всем мире, стала символом «золотого века» средневекового Таллинна. Сейчас, после неоднократных пожаров, высота шпиля составляет 123 метра.

В этой же части стихотворения Вяземский описывает былые времена эстляндского края – битвы, наезды, разбои, пиры. Море при всем этом оставалось спокойным зрителем, равнодушным свидетелем. Вяземский представляет в этой части стихотворения свое видение Ревеля – это старый город с богатой и романтической историей.

В четвертой и последней части стихотворения появляется название города – Ревель. Вяземский сравнивает город с феодальным рыцарем, намекая на феодальное прошлое Ревеля: «Ревель, рыцарь феодальный».

Поэт упоминает разные державы, которыми Ревель был в разные времена завоеван:

О тебе не раз державы
Переведались в бою.

Ревелем завладевали Дания, Швеция, Россия.

В конце стихотворения Вяземский подчеркивает, что Ревель, хотя и принадлежал разным державам и неоднократно терпел разорение, все равно остался прежним:

Ревель датский, Ревель шведский,
Ревель русский! — Тот же ты!

В начале стихотворения море сравнивается со зверем, потом со сверхъестественными существами (ведьмы, кощей), потом с человеком, точнее – со своего рода «идеальным человеком» — рыцарем. Противоречивый облик моря рождает противоречивые чувства в поэте («прелесь» и «страх»).

Не менее важно с точки зрения развития «морской темы» в поэзии Вяземского стихотворение «Море». Оно тем более необходимо для рассмотрения, что датируется летом 1826 года. Этот сезон Вяземский тоже провел в Ревеле, куда он приехал вместе с семьей недавно умершего Карамзина. Время было для поэта тяжелым: смерть сына, смерть глубоко им уважаемого Карамзина и впечатления от восстания 14 декабря наложили мрачный отпечаток на его тогдашнее состояние. В июле Вяземский получил известие о казни в Петербурге пяти декабристов. Стихотворение «Море» было написано как раз в эти дни.

Главным героем стихотворения вновь является море. Вяземский начинает стихотворение со сравнения волн со стаями лебедей. Море заставляет главного героя мечтать о «пленительном» и «тайном». Далее поэт описывает рождение «богини красоты» из волн моря (согласно греческому мифу, из морской пены родилась богиня любви и красоты Афродита). Именно она «пробудила мир от сна», именно она очаровала мир и открыла людям любовное чувство. Вяземский сопоставляет два противоположных мира – человеческий мир и морская стихия. Первый предстает как нечто негативное, из-за перечисления тех негативных характеристик, которых нет у моря.

Далее Вяземский сопоставляет море и землю. В этом стихотворении море представляется юным, сильным и свободным, а земля, наоборот, состарившейся, слабой и лишенной свободы. Далее поэт описывает море как отражение неба:

О вы, незыблемых небес
Ненарушимое зеркало!

Море отражает небеса – и поэтому похоже на небеса. Поэтому земля противопоставлена и морю, и небу.

Во второй части стихотворения волны говорят с героем. Герой понимает красоту природы, и это делает его лучше всех остальных. Герой находится на границе между двумя мирами – между морским и земным, человеческим. Море помогает ему справиться со скукой, с тоской по детству и по гармонии. Он слышит песни моря, слышит его «арфу», и в его душе слышно эхо песен. Он вдохновляется и «поет», то есть пишет стихи.

В предпоследней строфе Вяземский сравнивает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое и будущее являются для героя положительными, а настоящее мрачно, темно, полно бед.

В последней строфе главный герой созывает всех «сюда» — к морю. Можно предположить, что это Вяземский созывает всех своих друзей и близких к морю. Главный герой объясняет, что море помогает забыть, море исцеляет, море вечное и прекрасное.

По словам И. М. Семенко, «“Море” Вяземского – это настоящее море, но оно же — символ вечных ценностей, красоты и незапятнанности, по которым тоскует человек» [Семенко: 146]. Исследовательница считает, что «в строфах о гибели декабристов – выражение глубокой горечи и сожалений» [Семенко: 146]. Кроме того, она отмечает, что «в “Море” таинственная жизнь морской стихии уподобляется жизни души» [Семенко: 146].

Рассмотрим, наконец, еще одно очень важное стихотворение из «морской» группы — «Нарвский водопад». Оно было написано летом 1825 года, во время первой поездки Вяземского в Ревель.

Как и в предыдущих двух стихотворениях, оно посвящено водной стихии — на этот раз водопаду, а не морю. Стихотворение начинается с картины водопада и описания его «характера». Вяземский сравнивает водопад с властелином, который господствует над тишиной. Поэт очарован величием всего происходящего. К середине стихотворения герой отводит свой взгляд от огромного водопада, чтобы полюбоваться «сельской тишиной».

В этом стихотворении сопоставляются два разных мира: водный мир и мир окружающей водопад природы. Вяземский называет водопад «противоречием природы» и намекает на его одиночество:

Ворвавшись в сей предел спокойный,
Один свирепствуешь в глуши,
Как вдоль пустыни вихорь знойный,
Как страсть в святилище души.

В конце стихотворения Вяземский проводит параллель между водопадом и страстью:

Как ты, внезапно разразится,
Как ты, растет она в борьбе,
Терзает лоно, где родится,
И поглощается в себе.

По мнению И. М. Семенко, это «первое законченное романтическое стихотворение, где душа поэта воплощена в метафорическом образе водопада» [Семенко: 146].

Вторую группу, «стихотворения на случай», составляют следующие произведения: «О. С. Пушкиной», написанное летом 1825 г., «Поручение в Ревель» и «К Языкову», написанные в 1833 г., «К графу В. А. Соллогубу», написанное в 1834 г.

Стихотворение «Поручение в Ревель» отчасти продолжает морскую тему. Это стихотворение было написано в 1833 г. и посвящено Николаю Николаевичу Карамзину (сыну Н. М. Карамзина и племяннику Вяземского), как оказалось, незадолго до его смерти.

В этом стихотворении «главным героем» вновь становится море, которое на протяжении всего стихотворения сравнивается с разными объектами.

В начале стихотворения Вяземский упоминает церковь св. Олая. Здесь можно провести параллель между этим стихотворением и стихотворением «Ночь в Ревеле», в котором Вяземский также упоминает церковь св. Олая. Только в первом случае Олай «изувеченный в поединке с грозой», а во втором случае Олай — «молодецкий» и «гордо смотрит с высоты».

Далее Вяземский начинает сравнение моря с псом:

Слушай лай —
Моря вой, будто пса
На цепи, под скалой,
Что ворчит в час ночной,
Как дразня небеса!

Море воет, а значит, оно тоскует от одиночества. Здесь опять же можно провести параллель со стихотворением «Ночь в Ревеле», где Вяземский сравнивает море тоже со зверем, но с более диким, чем пес – с тигром. Это значит, что в этом случае море более покорное и спокойное.

Далее Вяземский сравнивает море со стариком:

Окликай
Старика за меня,
И седому хрычу —
Лысачу-усачу
Молви: «Доброго дня!»

Далее Вяземский проводит параллель между морем, женихом и невестой:

Если ж тих —
Как жених,
Как невеста-краса;
Улыбается он,
Сквозь задумчивый сон,
И глядит в небеса...

Если в начале стихотворения Вяземский называет море «седым хрычом» и стариком, то под конец море светлое, чистое, серебристое, сравнивается с юной парой.

В этом стихотворении важное место занимают звуки, которые издает море:

Стонет он, —
А сей стон
Так душе постижим,
Звуки так хороши,
Что все звуки души
В песнь сливаются с ним!

Эти звуки очеровывают душу поэта. Похожий мотив повторяется в стихотворениях «Ночь в Ревеле» и «Море».

В конце стихотворения Вяземский сравнивает море с «родимым гнездом»:

Чудный мир,
Вечный пир!
Бог с тобою, земля!
Я в соленой воде

Как в родимом гнезде —
Будто брат корабля!

Поэт выражает свои чувства к морю следующими словами:

Миловать бы его,
Целовать бы всего
И на нем бы заснуть!

Близкий мотив встречается в стихотворении «Море», где поэт зовет всех к морю, так как оно исцеляет.

Заключение

В заключении подведем итоги данной работы и приведем некоторый план для дальнейшего решения обозначенных в ее начале задач, а именно — изучения его стихов, написанных в Ревеле. Начнем с подведения полученных итогов историографической главы.

В результате изучения взглядов рассматриваемых нами исследователей можно сказать следующее. Хоть они и не рассматривали эпизод «Вяземский и Эстляндия» отдельно, все-таки они описали довольно значительные моменты, такие как занятия Вяземского и его политические взгляды во время пребывания в Ревеле. Эта неполнота описания обусловила необходимость дальнейшего исследования проблемы.

В представленной работе мы рассмотрели визиты Вяземского в Ревель в 1825, 1826, 1830, 1843 и 1844 годах. Как нам уже известно, Вяземский поехал в Ревель с целью отдыха. Но даже во время отдыха он не

переставал следить за тем, что происходит в мире. Он также не оставляет свою стихотворную деятельность и пишет некоторые стихотворения. Как уже ранее было выявлено, Вяземский в основном не общался с местными жителями, но то, что он видел в Ревеле и его окрестностях, оставило сильное впечатление (которое было зафиксировано в записных книжках и письмах поэта). Русский поэт-путешественник подробно описывает эстляндскую природу, описывает море, в котором купался. Он также посещал разные концерты и салоны, почти ежедневно бывал с визитами у своих многочисленных знакомых. Вяземский также посещал предприятия и заводы в Ревеле и в Нарве.

Далее подведем итоги рассмотрения стихотворений Вяземского, связанных с морской темой и написанных в Ревеле. В последней главе мы разобрали четыре таких стихотворения: «Ночь в Ревеле», «Море», «Нарвский водопад» и «Поручение в Ревель». В результате разбора выяснилось, что образ и характер каждого из описываемых водоемов разные. Можно было бы предположить, что море, которое Вяземский описывает в трех стихотворениях, будет в какой-то степени одинаковое, поскольку он описывает предположительно одно и то же море. Но оказывается, что море везде разное и зависит от настроения поэта и времени написания стихотворения. Далее приведем некоторые задачи, которые в будущем нуждаются в разрешении.

Для создания полной картины необходимо рассмотреть всю переписку Вяземского, касающуюся тех лет. Также следует изучить все письма Вяземского к жене. В завершении можно будет разобрать те стихотворения, которые в этот раз не были разобраны. Все это позволит нам представить более полный обзор пребывания Вяземского в Ревеле.

Список использованной литературы

1. Вяземский 1958: *Вяземский, П.А.* Стихотворения. Л., 1958.
2. Вяземский 1986: *Вяземский, П. А.* Стихотворения. Л., 1986.
3. Вяземский: *Вяземский, П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963.
4. Комментарии Нечаевой: *Вяземский, П. А.* Записные книжки (1813–1848). М., 1963.
5. Гиллельсон: *Гиллельсон, М. И.* П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.
6. Бондаренко: *Бондаренко, В. В.* Князь Вяземский: жизнеописание. Минск, 2000.
7. Исаков: *Исаков, С. Г.* Эстония в произведениях русских писателей XVIII — начала XX века: Антология. Таллинн, 2001.
8. Семенко: *Семенко, И. М.* Поэты пушкинской поры: Батюшков, Жуковский, Денис Давыдов, Вяземский, Кюхельбекер, Языков, Баратынский. М., 1970.
9. Письмо к жене: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. V. Вып. 2. СПб., 1913.

10. Переписка: *Тургенев, А. И.* Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1: 1814-1833 годы. Петроград, 1921.
11. Письмо Пушкину: *Вяземский П. А.* Письмо Пушкину А. С., 4 августа 1825 г. Ревель // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 16. М.–Л., 1937–1959.
12. Письмо Вяземскому: *Пушкин А. С.* Письмо Вяземскому П. А., 14 и 15 августа 1825 г. Михайловское // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. Т. 16. М.; Л., 1937–1959.
13. Пуллат: *Пуллат, Р.* История Таллина (до 60-х годов XIX века). Таллинн, 1983.
14. Путеводитель: Старый Таллинн и курорты Эстонии. Таллинн, 2003.
15. Viirand: *Viirand, T.* Eestima. Ranniku teejuht. Tallinn, 2006.
16. Медем: *Медем, М. И.* Екатериненталь близ Ревеля и окрестности, как наилучшие и самые здоровые места для больных и здоровых. <Ревель, 1905.>

Resüme

Bakalaureusetöö on jätk varem alustatud tööle „Vjazemski Eestis: elulugu ja looming“. Töös uurime luuletaja elulugu ja looming sellel ajal, kui ta viibis Eestis. Oma töös pöörame tähelepanu luuletaja tutvumisele maaga järgmistel aastatel: 1825, 1826, 1830, 1843 ja 1844.

Nüüdseks on teadatuntud fakt, et kahjuks puuduvad ajaloolis-kirjanduslikud uurimustööd, mis keskenduksid meile huvitavale teemale. See on üks probleemidest. Teine probleem seisneb selles, et antud hetkeks ei ole olemas täielikku ja täpset luuletaja elulugu, ega ka loomingu kirjeldust. Pole kahtlustki, et nii uurimustööd kui ka täielik eluloo kirjeldus aitaksid uurida antud teemat lähemalt ja täpsemalt.

Meie töö ei suuda esitada kõigi probleemide lahendamist. Sellepärast püüame kirjeldada ja kommenteerida kõigepealt luuletaja viibimist Eestis. Oma eesmärgini jõudmiseks, tuleb lahendada mitu ülesannet.

Töö koosneb kolmest peatükist. Esimeses peatükis pöördume luuletaja suhete kirjeldamisel Eestiga viie uurimustöö juurde. Samuti kirjeldame lühidalt biograafilisi uurimustöid luuletajast. See aitab meil paremini mõista, kuidas on üles ehitatud uurimustööd luuletajast. See omakorda aitab meil moodustada käsitletavale teemale isikliku lähenemisviisi.

Teises peatükis kirjeldame luuletaja viibimist Eestis aastatel 1825, 1826, 1830, 1843 ja 1844. Selles peatükis esitame nii fakte kui ka kommentaare faktidele. Uurime luuletaja päevikuid, tema kirju naisele ja sõpradele. Teine peatükk jääb kahjuks poolikuks, kuna mõned uurimiseks vajalikud allikad olid hetkel kättesaamatud.

Kolmandas ja viimases peatükis vaatleme ja analüüsime lähemalt luuletaja loomingut, mis puudutab perioodi, millal luuletaja viibis Eestis. Suuremat tähelepanu pöörame „mere“ temaatikaga luuletustele ja luuletustele, mis on kirjutatud kindlaks juhuseks. Töös mainitud luuletused on kirjutatud kas Eestis või on süžee poolest seotud Eestiga.

Selleks, et töö oleks täiuslikum ja täpsem, tuleks läbi vaadata kogu luuletaja kirjavahetus. Samuti tuleks analüüsida luuletused, mis selles töös jäid mainimata. Kõik see aitab meil esitada paremat ülevaadet luuletaja viibimisest Eestis.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Katrin Tiks (isikukood: 48902266517)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose «*P.A. Vjazemski Revelis: elu ja looming*», mille juhendaja on T. Stepaništševa

1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;

1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.

2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, 03.06.2013

(allkiri)